

И.И. Панаев

Сочинения

Иван Иванович Панаев

Именинный обед у доброго товарища

(Очерки из петербургской жизни)

«Я был приглашен одним из моих университетских товарищей на обед, по случаю именин жены его.

Товарищ мой имеет состояние, притом служит, помаленьку подвигается вперед и со временем, может быть, достигнет и до генеральского чина. Человек он мягкий, кроткий, довольный всем и добросердечный в высшей степени. Супруга его дама полная, очень приятной наружности и с постоянно заспанными глазами. Оба они очень радушны, любят угощать, невзыскательны в выборе своих знакомых и большие охотники до чиновных особ...»

**Иван Иванович Панаев
Именинный обед у доброго
товарища**

Я был приглашен одним из моих университетских товарищей на обед, по случаю именин жены его.

Товарищ мой имеет состояние, притом служит, помаленьку подвигается впереди со временем, может быть, достигнет и до генеральского чина. Человек он мягкий, кроткий, довольный всем и добросердечный в высшей степени. Супруга его дама полная, очень приятной наружности и с постоянно заспанными глазами. Оба они очень радушны, любят угощать, невзыскательны в выборе своих знакомых и большие охотники до чиновных особ. Посещением чиновных особ они гордятся, остальным гостям радуются. Если кто –нибудь зайдет к ним нечаянно обедать, они бываю тронуты этим чуть не до слез... Таких гостеприимных домов в Петербурге очень мало. Дом моего товарища клад для так называемых блюдолизов (pique-assiettes), которых в Петербурге, как и во всех больших городах, очень много... Я забыл еще об одной черте – товарищ мой и жена его несколько падки к

лести, очень чувствительны и склонны к слезам.

Я приехал к пяти часам, зная, что званые обеды начинаются всегда позже обыкновенного. В гостиной я нашел трех пожилых чиновных особ и человек восемь также пожилых, но менее чиновных, в числе которых был один маленький и грязненький господин, в вицмундире, с манишкой, торчавшей из-под жилета, с застенчивыми манерами, державшийся больше около стенок и в углах и наклонявший почтительно голову всякий раз, когда чиновная особа проходила мимо него или взглядывала на него. Господин этот смотрел блюдолизом. Кроме этого, были еще тут два молодых человека, неопределенных и робких, державших себя в стороне, с которыми маленький господин от времени до времени заговаривал.

В столовой был накрыт длинный стол, с именинным граненым хрусталем, а на ломберном столе между двух окон стояла закуска, на которую маленький и грязненький человек поглядывал исподлобья, но с приятностью. В то время как я вошел в гостиную, одна

из чиновных особ разговаривала с каким-то господином, стоявшим задом ко мне.

Поздравив хозяина и хозяйку, я пошел положить мою шляпу в залу. В эту минуту господин, разговаривавший с чиновной особой, обратился ко мне и с необыкновенною приветливостью и приятными улыбками закивал мне головой.

Я узнал в нем также моего старого товарища, которого я совершенно потерял из виду и не встречал лет десять. Это был господин среднего роста, бледный, с тонкими губами, худощавый и сутуловатый, в очках, с крестом на шее и с другим в петлице.

Когда чиновная особа отошла от него, он бросился ко мне с каким-то особенным чувством и протянул мне обе руки. Такой порыв несколько удивил меня, потому что я никогда не был с ним в близких сношениях.

– Как я рад, что я тебя вижу... боже мой, какая приятная встреча!.. – и, говоря это, он крепко жал мне обе руки. – Сколько лет мы не видались! И не мудрено. Ведь я уже лет шесть, как оставил Петербург – и не сожалею об этом. Я служу в провинции; благодаря бога,

занимаю место почетное, начальство расположено ко мне, я исполняю свой долг по совести – спокоен и счастлив. Вообрази, я в нынешнем году получил три награды: вот это – он указал на свою шею, благоволение и годовой оклад. Это, братец, не со многими случается. Три награды в один год! Се жоли!

Он на минуту остановился и посмотрел на меня. Я смотрел на него. Кажется, несколько недовольный тем, что лицо мое не выражало никакого изумления, он продолжал однако:

– Я устроился так, что не завидую никому; женат, братец, имею милую, добрую жену, хорошую хозяйку, обзавелся деточками... Старшему сыну будет вот на пасхе уже пять лет. Да какой мальчик-то, если б ты видел; я отец, мне хвалить его, конечно, смешно, но если ты когда-нибудь заедешь в наши страны и будешь у меня, ты увидишь: головка у него совершенно в роде рафаэлевских ангелов. И какой умный, бойкий мальчик! уж читать умеет, страшный охотник до книг... И вообрази, что при всем этом у меня женино имение под рукою – в двадцати верстах от губернского города, да и мое не очень далеко – ста верст не

будет. Еще служба несколько мешает, а хозяйством я люблю заниматься – это моя страсть – и я в этом деле кое-что таки понимаю. Ты, верно, читал мои статейки в «Записках Вольно-Экономического общества»?.. Посмотри, какой у меня порядок в деревнях: все, и дворовые и крестьяне, по струнке ходят, а между тем крестьяне любят меня, как отца. Народ наш вообще, братец, славный и привязан к своим помещикам, разумеется, если они хорошие, а у нас в губернии все помещики прекрасные... Ну, конечно, в семье не без урода. Положение крестьянина, я тебе скажу, самое завидное, если помещик хороший...

Благодетельный помещик продолжал бы, вероятно, свой разговор еще долго, но равнодушие, с которым я выслушивал его, несколько охладило его, он остановился и после минуты молчания (я не нашелся ничего сказать ему) потрепал меня по плечу.

– Ну, а ты все по-прежнему занимаешься литературой? – сказал он мне с приятною, но несколько ироническою улыбкою.

– По-прежнему, – отвечал я.

– Это, конечно, дело хорошее, – возразил

он, – но я признаюсь откровенно, мы с тобой товарищи, так нам с тобой церемониться нечего, – я, господа, на всех на вас пишущих сердит немножко... Как-то вы на все странно смотрите, отзываетесь обо всем с какою-то желчью, отыскиваете везде одни недостатки...

В эту минуту раздался голос хозяина дома:

– Милости прошу закусить, пожалуйста...

Все двинулись в столовую, и речь о литературе была прервана.

Минут через десять все уселись за столом. Чиновные особы на почетном конце, близ хозяйки дома, а мы ближе к хозяину. Первые блюда прошли в молчании, раздавался только звон тарелок и стук ножей и вилок. Когда желудки несколько понаполнились, хозяин дома, не отличавшийся большим тактом и постоянно озабоченный мыслью занимать своих почетных гостей, обратился к одной из чиновных особ и, чтоб завести общий разговор, сказал с приятною улыбкою:

– Читали ли вы, ваше превосходительство, «Губернские очерки» Щедрина?..

Хозяин дома читал очень медленно, он чи-

тал больше после обеда, лежа на диване, и после двух страничек обыкновенно засыпал, но любил чтение и любил иногда поговорить об литературе.

– Эти очерки, ваше превосходительство, прекрасно написаны, и все их очень хвалят.

– Что такое? Какие очерки? – произнесла чиновная особа... – Нет, я не читал... У меня и на дело-то не станет времени.

– Гм! – промычал несколько смущенный хозяин дома.

– Позволь, Евграф Матвеич, – произнес благодетельный помещик чрезвычайно благонамеренным голосом, поправляя очки и смотря на чиновных особ, – я очень уважаю тебя и знаю твои правила, потому что мы знакомы почти с детства и сидели на одной скамейке, – но, извини меня, с твоим мнением я согласиться никак не могу. Очерки господина Щедрина я читал, и признаюсь тебе откровенно, направление их мне весьма не нравится: в них все представляется в искаженном виде, с одной только неблагоприятной стороны, – что недобросовестно.

Благодетельный помещик обратился к од-

ной из особ...

– Уездные и губернские власти, ваше превосходительство, помещики и даже дамы представляются в этих очерках в самых грязных красках... Таких уже нет в наше время... Тоже в этих очерках сочинитель нападает на взяточничество... Да, помилуйте, я сам служу, имею сношения со всеми... Смело могу сказать, положив руку на сердце, что у нас в губернии нет ни одного взяточника... Помилуйте, мы и не потерпели бы такого!.. Я по крайней мере про себя скажу, что я с человеком, который решился бы взять взятку, если бы он был даже мой старший, не захотел бы служить ни одного дня; а если б он был мой подчиненный – я бы и пяти минут не стал держать его при себе. Сохрани боже!.. А эти сочинители ничего сами не знают, а так говорят зря, что им придет в голову. Это недобросовестно, ваше превосходительство. Он обратился ко мне.

– Ты меня извини, – сказал он мне с приятною улыбкою, – я говорю не о всех сочинителях, тебя я не причисляю к таким, потому что хорошо знаю твои правила...

Маленький и грязненький господин, все

время молчавший, вдруг произнес, взглянув на одну из особ и скромно потупив глаза:

– Действительно, ваше превосходительство, они прекрасно и совершенно справедливо рассуждают (он указал головою на благодетельного помещика). К величайшему при-
скорбию, новейшая литература... за немногими исключениями... (маленький и грязненький господин с лицемерно-сладким выражением взглянул на меня) изображает только картины, возмущающие душу, как будто у нас нет людей добродетельных, прекрасных, бескорыстных, исполняющих свято свой долг, которые составляют, так сказать, украшение общества.

– Все знают, что такие люди есть, и никто не сомневается в их существовании, – сказал я, – но есть и другого рода люди, для которых нет ни долга, ни чести, ни совести... и, я думаю, нет преступления изобличать такого рода людей и предавать суду общественному. Литература делает в этом случае не дурное дело.

– Ну-с, позвольте вам заметить, – сказал один из присутствовавших, господин, очень

важный по фигуре, улыбаясь с иронией, – вы вашей литературой уж злоупотреблений и взяточничества не истребите... Нет? Следовательно, к чему же об этом писать, только скандал делать!..

– Именно, – продолжала одна из особ с неприятворною грустию, – это удивительно, что нынче вообще пишут... вот хоть бы, например, этот Гоголь... Ну, где таких людей можно встретить нынче, каких он описывает?.. Что касается до меня, я, слава богу, пятьдесят восемь лет живу на свете, бывал везде и в провинциях, а никогда не встречал таких уродов... и вся его книга, эти «Мертвые души», зловерное сочинение и оскорбительное для дворянского сословия...

– И, по моему мнению, – прибавила другая особа, – злоупотребления разные, взяточничество и тому подобное, – это совсем не дело литературы, она не должна в это вмешиваться... Мало ли у нее предметов для описания – картины природы, любовь! Почему бы, например, не взять какой-нибудь исторический сюжет... вот хоть бы из царствования Бориса Годунова, что ли?.. тут поэтическое воображе-

ние очень может разыграться; а то чиновники, помещики – ну кому это интересно?

– Совершенно справедливо, – заметил благодетельный помещик с чувством.

– Золотом бы напечатать ваши слова, ваше превосходительство, – произнес с горячностью маленький и грязненький господин, который перед жарким начинал приходить в беспокойство и все хватался рукою за свой карман... Беспокойство это еще более увеличилось, когда появилось шампанское и начались поздравления. После поздравления все на минуту смолкло. Маленький и грязненький господин встал, вынул из кармана дрожащей рукой бумажку и обратился к хозяйке дома.

– Позвольте... я приготовил, – сказал он, заикаясь, – небольшое приветствие в стихах... Я желал бы...

Все обратились к нему с любопытством, и он начал читать с чувством, с увлечением и нараспев:

*Семьи достойной украшенья —
Примерная хозяйка, мать;
Супруга гордость, утешенье!*

*Примите наше поздравленье...
Чего могу вам пожелать?
Одно – чтоб божья благодать
Вас осеняла, как доньне;
Чтоб в вашем Мише – добром сы-
не
Все добродетели отца
Во всем их блеске отразились...
Об этом молим мы творца!
Чтоб это пожелать – явились
Сегодня к вам на ваш обед:
Сановники, друзья, подруги —
И все приносят свой привет
Хозяйке доброй и супруге!..
Цвети ж, цвети на много лет, –
Семье и всем на утешенье
Произнесем мы в заключенье!..*

Поэт смолк, поклонившись, при кликах: «Браво! прекрасно!» А у хозяина дома покатились слезы из глаз, и по окончании чтения он прижал к груди своей грязненького господина.

Когда все вышли из-за стола, грязненький господин, который удостоился одобрения чиновных особ и даже пожатия руки, подошел к хозяйке дома, поговорил с нею что-то и поцеловал ее ручку. Он платил тем семействам,

которые допускали его к себе, за даровые обеды и ласку лестью и мадригалами в дни именин и рожденья. Господин этот – литературный обломок времен давно минувших, лет тридцать, или тридцать пять назад тому пописывал еще стишки в «Колокольчиках», в «Гирляндах», в «Звездочках», в «Дамском журнале». Он смотрит с озлоблением на новую литературу и взводит на нее страшные обвинения за то только, что она не подозревает его существования.

В то время как чиновные особы садились за карточные столы, он подошел ко мне.

– Вы не смейтесь над моими виршами, – сказал он, смотря на меня с подобострастным и вместе язвительным выражением, – перед обедом, едучи сюда, мне пришел в голову этот экспромт, и я для памяти набросал его на бумажку. Мы уж люди отжившие, отсталые... Куда же нам гоняться за новейшими писателями и иметь такие возвышенные мысли, какие имеют они! Мы действуем в простоте души. У нас глаголят уста только от избытка сердца...

И он засмеялся насильственно, схватил

мою руку и крепко пожал ее.

Я отыскал свою шляпу и незамеченный добрался до передней, дав себе слово не ходить больше на именинные обеды к моему доброму товарищу.